

А.В. КАРГАЛЬЦЕВ

“ВЕСЬМА ЧАСТО БЫВАЕТ ГРАД, КОТОРЫЙ ВСЕ УНИЧТОЖАЕТ” ХРИСТИАНЕ КАК ВИНОВНИКИ ГОРОДСКИХ БЕДСТВИЙ

Статья посвящена реакции городской среды на христиан в период эпидемий и бедствий. В частности, предпринята попытка связать эпидемию середины III в., известную как Чума Киприана, с усилившимися антихристианскими преследованиями. Автор обращает внимание на городские конфликты, которые разгораются в разных городах Империи, и делает предположение что обострившиеся нападки язычников на христиан были спровоцированы подозрением в виновности перед богами, насылающими бедствия. При этом очевидно, что имперские власти и власти городские преследуют разные цели. Последние ориентированы в большей степени на умиротворение городской среды через осуждение «безбожных» христиан, в то время как имперское правительство вынуждено ориентироваться на экономическую эксплуатацию верующих и конфискации дабы возместить потери, которые принесла эпидемия. В этой ситуации Церковь демонстрирует лояльность именно на местном уровне, помогая жителям городов и демонстрируя любовь к ближнему.

Ключевые слова: Римская империя, христианство, Северная Африка, эпидемия, Киприан Карфагенский

В сочинении «Семь книг против язычников», составленном в самом начале IV в. после Великого гонения Диоклетиана, апологет Арнобий приводит многочисленные примеры обвинений христиан в том, что по их вине «заразительные повальные болезни губят род человеческий» (*Arn. Adv. nat. I. 3*). Это, пожалуй, самое обширное свидетельство в христианской апологетической литературе подобного рода. Очевидно, такие нападки не были ни единичными, ни случайными и были связаны с реальными страхами, возникающими в языческой среде в период бедствий и эпидемий. Арнобий же приводит развернутую аргументацию, доказывая, что Христос – единственный Бог, который никого из людей не наказывал болезнями, но напротив исцелял их своей собственной силой (*Arn. Adv. nat. I. 43–48*). Подобные примеры мы можем обнаружить у Юстина, который сообщает, что Христос «исцеляет всякие болезни» (*Just. Apol. I. 48*), или в «Апологетике» Тертуллиана, что «если случился голод или эпидемия; то тотчас кричат: христиан ко льву» (*Tert. Apol. 40*). Однако, как представляется, за общими свидетельствами об обвинениях христиан стояла более сложная и комплексная картина. С одной стороны, подобные обвинения поддерживала политика римских властей, преследовавших христиан, с другой, недовольство рождалось на местном уровне и обострялось в периоды бедствий и эпидемий. Так, например, Евсевий пишет, что «в семнадцатый год царствования императора Антонина Вера, когда в некоторых областях вспыхнуло страшное гонение на нас: по городам поднялся на нас народ» (*Euseb. HE. V. 1*). Он же приводит свидетельство Дионисия Александрийского о гонении

Деция: «Преследование у нас началось не с царского указа, а на целый год раньше, когда какой-то пророк и виновник бедствий этого города – кто бы он ни был – стал возбуждать и натравливать на нас языческую толпу, разжигая их родное суеверие» (*Euseb.* HE. VI. 41). Подобные случаи имели место и в других регионах. Цель нашего небольшого исследования – рассмотреть различие общеимперской политики и реального положения дел в отдельном городе. Наиболее информативной в этом случае является эпидемия середины III в., получившая название Чума Киприана, и реакция на нее в городах Северной Африки.

В последние десятилетия интерес к Чуме Киприана в историографии значительно вырос. Здесь следует отметить многочисленные работы К. Харпера, который довольно подробно исследовал характер болезни, хронологические рамки ее распространения, состояние источниковой базы¹. Однако можно выделить и более ранние работы. Чума Киприана анализировалась при изучении трактата «О смертности»², традиционно рассматривалась применительно к гонениям Деция и Валериана³, была предметом внимания в контексте кризиса III в.⁴, равно фигурировала и в общих работах по истории Ранней Церкви⁵. Точка зрения К. Харпера занимает здесь особое место, поскольку, по мнению ученого, эпидемия носила более продолжительный и масштабный характер, чем было принято считать ранее⁶. Хотя выдвинутые им аргументы были последовательно оспорены⁷, и мы также согласны с тем, что т.н. «чума», пришлось в основном на 252–253 гг., однако влияние ее на настроение римского общества и, как следствие, на характер антихристианских гонений заслуживает отдельного рассмотрения, тем более, что свидетельства об этом можно обнаружить в агиографических источниках, которые, как правило, редко привлекаются при изучении данного сюжета.

Чума Киприана получила название по имени карфагенского епископа потому, что наиболее подробно описана в его трактате «О смертности». Киприан приводит подробные симптомы болезни, охватившей Римскую империю в 50-х гг. III в.: «расслабление желудка отнимает у нас телесные силы, что жар изнутри, перешедший в гортанные язвы, растревляет их, что непрерывная рвота потрясает внутренность, прилив крови делает воспаление в глазах, что у некоторых отсекаются руки и другие члены вследствие заразительного гниения, что от расслабления тела происходит дрожание в ногах, заграждается слух, повреждается зрение» (*Cypr. De mort.* 14). В исследовательской литературе идет дискуссия о характере болезни и природе ее возбудителя. По всей видимости, речь идет не о чуме, а о разновидности геморрагической лихорадки

¹ Harper 2015; 2016; 2017.

² Scourfield 1996: 23.

³ Keresztes 1975: 81–82.

⁴ Shaw 1996: 115.

⁵ См., напр.: Monceaux 1902: 303; Harnack 1958: 365.

⁶ По мнению К. Харпера, эпидемия продлилась с 249 по 270 гг.: Harper 2015.

⁷ Huebner 2021.

вирусного происхождения⁸. Этим, в частности, объясняется довольно непродолжительный период распространения пандемии, а также отсутствие упоминаний о массовом вымирании отдельных городов и регионов, что было бы характерно для эпидемии чумы. Киприан, который в это время активно проповедует, также не приводит случаи массовой гибели участников христианских собраний. Тем не менее даже такая эпидемия стала тяжелейшим ударом для Империи. Мы поддерживаем точку зрения исследователей, которые полагают, что болезнь была не периферийным событием на фоне разгорающегося кризиса III в., но явилась одной из важнейших его причин⁹. Подобно тому, как за несколько десятилетий до этого Чума Антонина положила конец блестящей эпохе великих императоров, Киприанова чума обострила экономические, социальные и военные проблемы в III в., которые в полной мере проявились в эпоху Галлиена. Можно заметить, что в условиях рабовладельческого ведения хозяйства жертвами эпидемий становились те, кто жил в наиболее скученных условиях, т.е. рабы, основные производительные силы государства, быстро их восполнить можно было лишь новыми завоеваниями, сил на которые у Империи уже не было. Признаки кризиса мы можем обнаружить также и по другим свидетельствам. Так, например, отмечено усиление экономической эксплуатации христиан, которых вместо казней, массово отправляли на рудники, о чем пишет Киприан Карфагенский (*Cypr. Ep.* 79).

При этом реакция населения римских городов и провинций, лишенного к тому же привычных форм наказания виновных в виде «предания зверям», несомненно, отличалась большей остротой, что должно было приводить к самостоятельному поиску и наказанию виновных в бедствиях. Следы подобной реакции можно обнаружить в агиографических памятниках времени гонения Валериана. Отметим, что Валерианово гонение 257–258 гг. стоит особняком в числе антихристианских преследований. Это было, пожалуй, первое общеимперское гонение, напрямую направленное против Церкви¹⁰. Одной из загадок этого преследования, которая, на наш взгляд, так и не получила убедительного разрешения в научной литературе, является установление причины его начала. Первые годы правления Валериана действительно были временем сравнительной веротерпимости. Рассказ же Евсевия о кознях главы египетских магов Макрина (*Euseb. HE. VII. 10. 4*), который и побудил императора возобновить гонения, признается исследователями если и достоверным, то явно недостаточным¹¹. Если в предшествующее гонение Деция 249–251 гг. преследование христиан объективно было спровоцировано их отказом от общеимперских жертвоприношений, имевших впервые обязательный характер для всех граждан, то здесь мы имеем первое

⁸ Stathakopoulos 2004: 179–182.

⁹ Подробнее аргументацию см.: Harper 2017.

¹⁰ Keresztes 1975: 85; Каргальцев 2012: 124–130.

¹¹ Frend 1965: 315.

упоминание о христианах в императорских эдиктах. И хотя существует множество свидетельств об избирательности государственной политики, направленной прежде всего против клириков и руководителей церкви, однако ситуация на местах могла носить иной характер, и здесь в полной мере проявлялись и народные настроения, и поведение отдельных наместников провинций. Так, в «Мученичестве Мариана и Иакова», посвященном событиям в Нумидии в 258 г., говорится, что «в то время из-за того, что огромная толпа язычников пребывала в слепой ярости, вздымались словно волнения мира силы гонений, которые проводили военные власти, и для испытания веры праведников ярость дьявола бешеного разверзлась» (Pass. Marian. et Iac., 2, 2). Трудно сказать, была ли эта ярость спровоцирована внешними событиями, в частности набегом кабиллов, разорвавших провинцию с 253 г. (CIL VIII. 2615)¹², но берберские племена и ранее нередко беспокоили африканские провинции, что не приводило к немедленному преследованию христиан. Обострение же общественных настроений в период эпидемии представляется в данном случае достаточно вероятным. Более того, в «Мученичестве» особо отмечается, что реакция властей была спровоцирована именно общественными настроениями. В «Мученичестве Монтана и Луция», посвященном событиям в Карфагене в конце 258 г. или начале 259 г., последовавшим вскоре после казни епископа Киприана, содержится аналогичное свидетельство: «После народного волнения, когда обезумевший наместник (ferox vultus praesidis)¹³ подстрекал к убийству, через несколько дней последовало беспощаднейшее преследование» (Pass. Mont. et Luc. 2. 1). Далее мы узнаем, что наместник собрался сжечь христиан живьем без всякого суда, и только внешние обстоятельства умилили его гнев.

Имело ли негодование язычников реальные основания? Деятельность Киприана в Карфагене в этот период эпидемии нашла отражение в составленном Понтием «Житии» епископа. Биограф епископа придает эпидемии особое значение, говоря, что «было бы злодеянием пройти мимо того, что делал посреди этого понтифик Христа и Бога» (*Pont. Vit. Сурр. 9. 5*). Рассказывая о вспышке «ужасной болезни, дьякон указывает, что «в то время по всему городу лежали не тела, а бесчисленные трупы (cadavera), которые вызывали сострадание прохожих» (*Pont. Vit. Сурр. 9. 3*). Трудно сказать, в какой мере сам Понтий был свидетелем этих событий. Комментаторы справедливо отмечают, что сведения о деятельности

¹² Подробнее см.: Christol 2003: 143.

¹³ По мнению П. Франчи де Кавальери, корректным вариантом чтения фрагмента quem ferox vultus praesidis in necem является quem ferox vulgus in necem praesidis (Franchi De' Cavalieri 1909: 15). Последний вариант поддержан и в критическом издании Ф. Дольбо (Dolbeau 1983: 68). Таким образом, появляются иные причины, побудившие наместника арестовать христиан: они могли быть обвинены в подготовке бунта. В этом случае объясняется лицемерие выдвинутых против них обвинений, а также угроза сжечь их, которую за день до ареста, т.е. в день, когда и произошли народные волнения, в гневе озвучил наместник. Подробнее об этом фрагменте см.: Barnes 2010: 89–90.

карфагенского епископа в этот период почерпнуты автором «Жития» из его же трактатов¹⁴. В данном случае источником для Понтия могло выступить то же сочинение «О смертности», но детали, которые он приводит, содержат интересные подробности. В частности, он пишет, что Киприан «наставлял собранный вместе народ о благах милосердия и учил примерам из Священного Писания» (*Pont. Vit. Supr. 9. 6*). Как отмечает М. Дорнеман, болезнь, по мнению Киприана, призвана явить лучшие качества человека¹⁵. Очевидно, речь идет в первую очередь о христианской общине города, хотя вероятно, что к ней могли присоединяться язычники, но в данном случае отсутствует упоминание о каких-либо напаках или конфликтах между верующими и городским населением. Здесь следует согласиться с Понтием, что «никого ничего не интересовало» (*Pont. Vit. Supr. 9. 4*). Однако справедливо было бы предположить, что в указанных условиях Киприан мог проповедовать более свободно и открыто, чем ранее. Активное участие прихожан в жизни города, организация ухода за больными в целом делали деятельность церкви более заметной, что, конечно, не могло не раздражать наиболее убежденных язычников, которые проявили себя, когда эпидемия закончилась.

Тема гонений вновь возникает во время поместного собора 253 г. как раз в разгар эпидемии (*Supr. Ep. 57*). Верующие встретили 253 год с предчувствием нового антихристианского преследования (*Supr. Ep. 57*). Казалось бы, христиане проявили себя самым лучшим образом в период эпидемии и нападки на них должны прекратиться, но в обращении Киприана к верующим Тибариса прямо говорится о скором пришествии антихриста (*Supr. Ep. 58. 1*). Существует точка зрения, что опасения были связаны с восшествием на престол Валериана, однако, как уже отмечалось выше, гонения, начатые Децием, прекратились, что и позволило Киприану вернуться в Карфаген и уже несколько лет находиться в безопасности и даже провести поместные соборы в 251 и 252 гг., а новый император, Требониан Галл, хотя и отмечен Евсевием как гонитель (*Euseb. HE. VII. 1*), не спешил в полной мере возобновлять репрессивную политику своего предшественника. Вряд ли изгнание из Рима епископа Корнелия могло быть поводом для тревожного ожидания нового гонения. Можно предположить, что Киприан учитывал скорее широкие общественные настроения, которые по мере ослабления эпидемии требовали поиска и наказания безбожников. Христиане всерьез могли опасаться того, что они в очередной раз станут «козлами отпущения» в случае, если понадобится искать виновников гнева богов. Таким образом, собор, состоявшийся весной 253 г., проходил в напряженной обстановке. Это было наименее представительное собрание из всех прошедших при Киприане – на нем присутствовал только 41 епископ, в основном из Проконсульской Африки, и нет никакого указания на участие клириков и мирян. Ученые по-разному объясняют это обстоятельство. Сторонни-

¹⁴ Kitzler 2009: 245.

¹⁵ Dörmemann, 2003: 172–173.

ки идеи патронажа указывают, что Киприан смог собрать только тех предстоятелей, которые лично зависели от него. Й.А. Фишер предположил, что епископы отказывались путешествовать из-за распространения чумы¹⁶. По мнению Д.Д. Данна, существовала угроза нападения со стороны язычников на епископов во время путешествия последних¹⁷.

Таким образом, деятельность Церкви не могла остаться незамеченной. Какой бы малой группе не проповедовал Киприан, поведение христиан разительно выделялось на общем фоне. К восхищению смелостью верующих, проявляющих заботу о ближнем, вероятно, примешивался и страх, что сами христиане являются виновниками болезни. Озлобленность, порожденная бедствием, выливалась на тех, кто вел себя отлично от общепринятого. Вероятно, это имело далеко идущие последствия. Когда болезнь отступила, и государство объявило о начале новой антихристианской кампании, на местах началось массовое избиение верующих.

Подводя итог, отметим, что события середины III в. указывают на расхождение в поведении римских властей и рядовых жителей империи. Правительство Валериана в свете убыли населения и очевидных экономических трудностей не было заинтересовано в организации новых массовых гонений, стараясь действовать избирательно, предпочитая конфискацию имущества верующих и их экономическую эксплуатацию. Не случайно Киприан упоминает о заключении христиан в шахтах (*Сурр.* Ер. 79), а агиографические памятники полны примеров того, как потенциальных мучеников власти грозят лишить «венца славы», следуя эдикту осуждать лишь клириков. Однако на уровне городского пространства, ситуация могла значительно отличаться, поскольку гонения на христиан провоцировались страхами рядового населения, которое наместники на местах должны были учитывать. Более того и сами они, вероятно, были несвободны от антихристианских предрассудков, и в каждом отдельном случае антихристианские эдикты правительства дополнялись местными эмоциями. Таким образом, реакция на эпидемию должна рассматриваться как сложный комплекс факторов, который подробно может быть изучен только на большом источниковом материале. Несомненным является лишь то, что наместникам провинций приходилось учитывать весь комплекс проблем, лавируя между законными требованиями императорских эдиктов и желаниями толпы, приводящими к погромам и беспорядкам.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-78-10001, <https://rscf.ru/project/18-78-10001/>

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Каргальцев А.В. Гонения Валериана и мученичество Киприана Карфагенского // Вестник Санкт-Петербургского Университета. 4. 2012. С. 124–130. [Kargal'cev A.V. Gonenija Valeriana i muchenichestvo Kipriana Karfagenskogo // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. 4. 2012. S. 124–130.]
- Barnes T.D. Early Christian Hagiography and Roman History. Tübingen: Mohr Siebeck, 2010. 457 p.

¹⁶ Fischer 1981: 17.

¹⁷ Dunn 2004: 677–678.

- Christol M. Les gouverneurs de Numidie sous Valérien et Gallien et l'histoire militaire de la province entre 253 et 260 // *L'Antiquité classique*. 72. 2003. P. 141–159.
- Dolbeau F. La Passion des saints Lucius et Montanus. Histoire et édition du texte // *Revue des Études Augustiniennes*. 29. 1983. P. 39–82.
- Dörnemann M. Krankheit und Heilung in der Theologie der frühen Kirchenväter. Tübingen: Mohr Siebeck, 2003. XIII, 380 S.
- Dunn G. D. Cyprian and the Episcopal Synod of 253 // *Latomus*. 63. 2004. P. 672–688.
- Franchi De' Cavalieri P. Nuove osservazioni critiche ed esegetiche sul testo della Passio sanctorum Montani et Lucii // *Note agiografiche*. 3. 1909. P. 1–32.
- Fischer J. A. Das Konzil zu Karthago im Frühjahr 253 // *Annuario Historiae Conciliorum*. 13. 1981. P. 12–26.
- Frend W. H. C. *Martyrdom and Persecution in the Early Church*. Oxford: Blackwell, 1965. 625 p.
- Harnack A., von. *Geschichte der althristlichen Literatur bis Eusebius* / 2. erw. Aufl. Tl. II. Bd. 2: Die Chronologie der Literatur von Irenäus bis Eusebius. Leipzig: Hinrichshs, 1958. 565 S.
- Harper K. Pandemics and passages to Late Antiquity: Rethinking the plague of c. 249–70 described by Cyprian // *Journal of Roman Archaeology*. 28. 2015. P. 223–260.
- Harper K. People, plagues, and prices in the Roman world: The evidence from Egypt // *The Journal of Economic History*. 76. 2016. P. 803–839.
- Harper K. *The Fate of Rome: Climate, Disease, and the End of an Empire*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017. 440 p.
- Huebner S. R. The "Plague of Cyprian": A revised view of the origin and spread of a 3rd-c. CE pandemic // *Journal of Roman Archaeology*. 34. 2021. P. 1–24.
- Keresztes P. Two Edicts of the Emperor Valerian // *Vigiliae Christianae*. 29. 1975. P. 81–95.
- Kitzler P. *Příběhy raně křesťanských mučedníků*. T. I. Praha: Vyšehrad, 2009. 395 s.
- Monceaux P. *Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne depuis les origines jusqu'à l'invasion arabe*. T. 2: Saint Cyprien et son temps. Paris: E. Leroux, 1902. 390 p.
- Scourfield J.H.D. The De Mortalitate of Cyprian: Consolation and Context // *Vigiliae Christianae*. 50. 1996. P. 12–41.
- Stathakopoulos, D. *Famine and pestilence in the Late Roman and Early Byzantine empire*. Aldershot: Routledge, 2004. 429 p.

Каргальцев Алексей Витальевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург; akargaltsev@herzen.spb.ru

"Very Often There Is Hail, Which Destroys Everything" Christians as the Culprits of Urban Calamities

The article analyses the view of the urban environment on the Christians during the period of epidemics and disasters. In particular, an attempt is made to link the epidemic of the middle of the third century, known as the Plague of Cyprian, with the intensified anti-Christian persecution. Attention is drawn to the urban conflicts that flare up in different cities of the Empire, and it is suggested that the aggravated attacks of the pagans on Christians were provoked by suspicion of their guilt before the gods sending disasters. At the same time, it is obvious that the imperial authorities and the city authorities pursued different goals. The latter were focused more on pacifying the urban environment through the condemnation of "godless" Christians, while the imperial government was forced to act more cautiously, focusing on the economic exploitation of believers and confiscations in order to compensate for the losses caused by the epidemic. In this situation, the Church demonstrated loyalty at the local level, helping residents of cities and demonstrating love for their neighbors.

Keywords: Roman Empire, Christianity, North Africa, epidemic, Cyprian of Carthage

Kargaltsev Aleksey Vitalievich, PhD in History, Senior Lecturer, Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen, St. Petersburg, Russia, akargaltsev@herzen.spb.ru